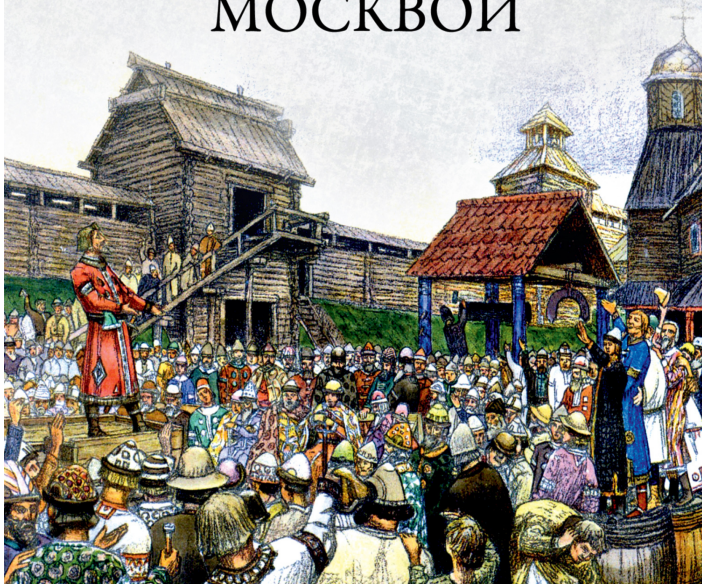

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Александр Пресняков

СОБИРАНИЕ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ МОСКВОЙ

Александр Евгеньевич Пресняков
Собрание русских
земель Москвой
Серия «Русская история (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63932417

*Собрание русских земель Москвой / Александр Пресняков: Вече;
Москва; 2021*

ISBN 978-5-4484-8549-7

Аннотация

В этой книге А.Е. Преснякова (1870–1929) продолжается рассмотрение непростого процесса становления единого Русского государства с центром в Москве, отношений с Рязанским и Нижегородским великими княжествами, политики преемников Ивана Калиты и крушения удельно-вотчинного строя.

Содержание

Глава I	5
I	5
II	15
III	30
Глава II	42
Конец ознакомительного фрагмента.	56

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Александр Пресняков

Собрание русских земель Москвой

Знак информационной продукции 12+

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

Глава I

Рязанское великое княжество

I

В южных пределах Великороссии сложилась особая, беспокойная жизнь Рязанской уkraine. Еще в 20-х годах XII века Муромо-Рязанская область выделилась из состава Черниговских волостей¹ в вотчину младшей линии черниговских Святославичей, линии потомков князя Ярослава Святославича; в 60-х годах того же века распалась на два обособленных княжества Ярославовых внуков: Муромское Юрия Владимировича и Рязанское Глеба Ростиславича². Связь между ними порвана в их подчинении власти владимирских великих князей. Муромское княжество вполне подавлено этой властью, и его князья, видимо, вошли без возможности сопротивления в положение владимирских подручников. Рязанское княжье, суетливое и беспокойное, довело себя – в исходе первого десятилетия XIII века – до полной утраты владений: по городам Рязанской земли водворились посадники и тиуны в. к. Всеволода Юрьевича. Но эта прямая великокняжеская власть держалась на Рязани только силой, подавляя волнения и недовольство населения. Сыновья Все-

волода Юрьевича примирились с возвращением рязанских князей в их отчину, а в 1219 году рязанские Владимировичи выбиты из земли князем Ингварем Игоревичем, который закончил смуту утверждением рязанской отчины за семьей князей Игоревичей³.

Князь Ингвар прожил недолго; Батыево нашествие застало на старшем столе Рязанской земли его брата Юрия Игоревича. Племянники князя Юрия, Ингваревичи, сидели, по видимому, на Пронске⁴. Татарский погром стубил большую часть рязанского княжого гнезда. Уцелели только два Ингваревича: Ингвар, который был послан дядей за помощью в Чернигов и вернулся оттуда на рязанское княжение, когда схлынула татарская напасть, и Олег, томившийся в ордынском плену. О князе Ингваре Ингваревиче только и знаем, что он «обнови землю Рязанскую»; даже время его кончины не отмечено летописными сводами; обычно полагают, что его не было в живых, когда в 1252 году *«пустили татарове рязанского князя Ольга Ингваровича, внука Игорева, на свою землю»*⁵. При Олеге Ингваревиче оформилось владычество Орды над Рязанской землей, ордынские численники «изочли» землю Рязанскую, и была установлена татарская власть в русском улусе золотоордынских ханов.

Олег оставил единственного сына Романа, но и двенадцатилетнее княжение этого князя на Рязани (1258–1270) ничем не отмечено в наших источниках, кроме сказания о его мученической кончине в Орде. От князя Романа Ольговича

пошли рязанские князья. Так, история Рязанской земли начинается как бы заново в эпоху татарского владычества над Русью. Под татарской властью Рязанская земля складывается в сильное княжество, одно из местных великих княжеств Северо-Восточной Руси. Его значение определилось в XIV веке в зависимости от его географического положения как Рязанской уkraine – южного форпоста Великороссии. На юге оно владело важным водоразделом между бассейнами Оки и Верхнего Дона. Поселения, тяготевшие к Рязани, спускались и южнее этого водораздела, пока лес давал им прикрытие от степной опасности, по Дону и Воронежу до рек – притоков Дона – Тихой Сосны, Червленого Яра и Битюга, а восточнее – по Великую Ворону, приток Хопра. Здесь проходила в конце XIII и в XIV веках граница между Рязанской и Сарайской епархиями⁶. Конечно, так далеко к югу и юго-востоку забегали только отдельные поселки, выдвинутые в степную сторону далеко от главной массы поселений. Ядро земли было много севернее. Старая Рязань была естественным центром этого ядра, но с нею конкурирует в значении центра княжой рязанской силы Переяславль-Рязанский, выше к северо-западу по Оке. Возвышение Переяславля и его конечная победа над Рязанью показательны по-своему для боевого положения Рязанской земли. Перед назойливой и изнурительной южной опасностью эта земля жметя к северу, к центральным областям великорусской силы. Южные пределы Рязанской земли сводили ее со степью, где господ-

ствовали татары, не только ханская сила, но и беспокойные разбойничьи мелкие орды, которые со своими ордынскими царевичами и князьками наезжали на Русь на свой страх и риск и на свою добычу. Боевая тревога стала обычной жителям Рязанской уkraine и выработала в них тот смелый, буйный и «дерзкий» нрав, о котором твердят с укоризной московские книжники.

Опорным пунктом рязанских сил в южном направлении служил Пронск, который рано получил значение особого княжого стола. А укреплять свои южные позиции и развивать их оборонительное и наступательное значение Рязанское княжество могло, только захватывая, по мере сил и возможности, прилежащие Чернигово-Северские волости и вовлекая в сферу своего влияния их мелкие соседние княжества⁷. Западные отношения с Черниговщиной, затем с Литвой имели постоянное и крупное значение для Рязани.

Неспокойной была и восточная граница Рязанской земли – по реке Цне, примыкавшая к мещерским и мордовским местам. Затяжная борьба с соседними восточнофинскими племенами и с кочевой силой южной степи еще в XII столетии связала Рязанскую землю с Суздальщиной. В великих князьях владимирских рязанские князья находили опору своим недостаточным силам, но и платили за то подчинением, которое естественно обуславливалось значением Рязанской уkraine как великорусского форпоста против инородческого юга и юго-востока.

Эти издавна сложившиеся отношения существенно определяли и дальнейшие судьбы Рязанской земли. Ее боевое положение органически требовало опоры в связях с великорусским центром. Живой артерией этих связей было течение Оки и ее притоков. Укрепить этот свой тыл и расширить его базу было существенной потребностью Рязанской земли. Но возможность усиления в северном и северо-западном направлениях была рано оборвана окрепшей мощью Москвы. Между Москвой и Рязанью – соперничество за волости ослабевшей и распадавшейся Черниговщины. Спорными местами были для них Лопастня, Верея, Боровск, Луза, которые в договорных грамотах определяются как «места рязанские», хотя все это – бывшие Чернигово-Северские волости⁸. Захват их Москвою связан, вероятно, с захватом Коломны – ключа к путям на Рязань с севера. А с другой стороны, устье Оки замкнуто Нижним Новгородом; к тому же развитие рязанской территории вниз по Оке преграждено муромскими владениями, которые давно ускользнули из-под рязанских влияний и потянули к великокняжескому Владимиру.

Таково в самых общих чертах положение Рязанской земли, которое обусловило тяжелую ее историю. Рязанское княжество в крайне трудных условиях приняло на себя по историко-географической необходимости боевые и колонизационные задачи Русского Северо-Востока, поддержку и развитие традиций старой Суздальщины в южных отношениях Великороссии, пока новая московская сила не объединит за-

ново в одном центре разрозненные течения великорусской народной жизни.

Исход XIII века и начало XIV – время, когда Рязань вовсе предоставлена своим собственным, местным силам, а великорусский центр наносил ей только тяжелые ослабляющие удары.

Наши летописные своды крайне невнимательны к судьбам Рязанского княжества. По ним (а другого материала нет) слишком часто нельзя точно установить даже элементарные факты рязанской истории – хотя бы генеалогию рязанских князей и хронологическую канву их преемства.

Князь-мученик ордынский Роман Ольгович умер в 1270 году, оставив трех сыновей – Федора, Ярослава и Константина. Федор Романович сел, вероятно, на старшем рязанском столе; под княжением его брата Ярослава возродилось особое пронское княжение. Однако даже этот факт устанавливается с трудом по данным, спорным и противоречивым; а каких-либо детальных сведений о рязанских событиях и об отношениях между князьями наши источники и вовсе не дают⁹.

Не лучше обстоит дело с нашими сведениями о дальнейшей судьбе Рязанского княжества. По смерти Федора (в 1293/94 год) и Ярослава (в 1299 году) в Рязанской земле разыгралась какая-то смута¹⁰, помогшая московскому князю Даниилу захватить рязанский город Коломну и князя Константина, который был убит в Москве Юрием Данилови-

чем в 1306 году. Вовсе не знаем, что творилось на Рязани в годы пленения Константина и после его смерти, как сложились отношения между его сыном Василием и пронскими вотчичами Ярославичами, Иваном и Михаилом¹¹. Но убийство кн. Василия в Орде в 1308 году упростило внутренние отношения рязанского князя: на исторической сцене только пронская их линия, потомство Ярослава Романовича. На старшем столе княжения – Иван Ярославич, а Пронск остался за его племянником Александром Михайловичем¹². Когда Иван Ярославич погиб от татар – не то в Шевкаловой рати, не то в Орде (в 1327 году), рязанским князем стал сын его Иван Коротопол.

Самая скудость сведений о делах Рязанской земли и ее князей может быть принята за свидетельство о ее значительном обособлении от общих судеб тогдашней Великороссии. Рязанские князья не играют роли в борьбе между Тверью и Москвой, стоят в стороне от очередных, острых вопросов великорусской жизни. Рязанская земля вынесла первые, наиболее тяжкие удары татарского нашествия¹³, и татарская сила нависла над нею более тягостно, чем над какой-либо иной русской областью. Князь Олег Ингваревич пятнадцать лет томился в ордынском плену; Ольгович Роман погиб в Орде мучеником за веру, татарами убиты его внуки Василий Константинович и Иван Ярославич; после нашествий 1237 и 1239 годов Рязанская земля испытала разорительные татарские наезды в 1278, 1288, 1308 годах¹⁴. Как ни отрывочны и

случайны наши сведения о рязанско-татарских отношениях за данное время, они все же дают некоторое представление о тягости татарской руки для Рязанской земли. Ни силы Центральной Великороссии, ни великокняжеская власть, подавленная внутренней борьбой, не были в состоянии дать какую-либо опору Рязанской уkraine. В ее тылу стояла враждебная Москва, которая захватом Коломны, пленом и убийством князя Константина лишь усилила оторванность Рязани от великорусского центра и расстройство местной организации рязанских сил.

Усиление великокняжеской власти в руках московских Даниловичей Юрия и Ивана поставило в более тесную зависимость от нее и рязанских князей. В. к. Юрий Данилович ходил на Рязань ратью в 1320 году и привел князя Ивана Ярославича к «докончанию», после которого видим рязанских князей в составе великокняжеской «низовской рати»¹⁵. Однако в княжении Ивана Коротопола видны черты значительной и крепнущей самостоятельности Рязанского княжества по отношению к великорусскому великокняжескому центру. У Коротопола свои особые отношения с Ордой, и на Рязани своя борьба за сбор и выплату татарского выхода.

В 1340 году князь Иван Коротопол идет к своему стольному Переяславлю с татарской ратью воеводы Товлубия в походе на Смоленск. По пути Коротопол перехватил своего пронского двоюродного брата Александра Михайловича,

который ехал к хану в Орду с выходом, «изымав его пограби и приведше его в Переяславль рязаньский, повеле его убить»¹⁶. Из Переяславля рать Товлубия и Коротопола пошла к Смоленску, а к ней присоединились великокняжеские войска Ивана Калиты с князьями суздальским, ростовским, юрьевским, друцким и фоминским и великокняжескими воеводами. Расправа с князем пронским в присутствии ордынского воеводы, представителя ханской власти, не простое самоуправство, а резкое проявление великокняжеских притязаний по отношению к «удельному» князю Рязанской земли¹⁷.

Пронское княжество перешло к сыновьям убитого Александра – Ярославу-Дмитрию и Ивану. Ярослав Александрович поднял в Орде дело об убийстве отца и достиг в 1342 году того, что хан отпустил его из Орды «на рязанское княжение» с послом Киндяком и татарской ратью. Коротопол пытался оказать сопротивление, но был осажден в Переяславле, бежал из осады и вскоре был убит, попав во вражеские руки¹⁸. С ним оборвана еще одна линия рязанского княжеского дома¹⁹. Вся Рязанская земля во власти пронских Александровичей²⁰. Ярослав пережил Коротопола не больше как на год, а князь Иван Александрович умер в 1350 г. Великое княжение на Рязани перешло к его сыну, весьма еще юному князю Олегу, а на пронском княжении – двоюродный брат Олега Владимир Ярославич, который, по-видимому, тоже остался после отца малолетним. Хозяевами положения в

Рязанской земле оказались рязанские бояре.

II

Середина XIV века отмечена значительным подъемом рязанской энергии. Прискорбная скудость сведений о жизни Рязанской земли, какие находим в наших источниках, не позволяет присмотреться ближе и глубже к этому существенному явлению.

Внешние обстоятельства благоприятствовали рязанским стремлениям к усилению и самостоятельности. Московское и великое княжение Ивана Ивановича отмечено ослаблением великокняжеской власти и смутой в московской боярской среде; затем настали годы малолетства Дмитрия Донского и борьбы его за великое княжение. Эти московские дела уменьшили на первых порах московское влияние в Орде; открылась возможность успешных происков в среде ордынских властей, попыток перетянуть на свою сторону татарскую силу.

В апреле 1353 года умер в. к. Симеон Иванович, а в июне рязанцы взяли Лопастню, увели московского наместника пленником в Рязань и едва отпустили его за выкуп. Князь Иван Иванович был тогда в Орде, куда съехались все русские князья; здесь шел у него спор о великом княжении с суздальским князем, а вернулся он на великое княжение во Владимир зимой 1354 года, в марте. Юный князь Олег едва ли играл в этом деле значительную роль; вернее, что

и он был в Орде, да летописи и подчеркивают при сообщении о захвате Лопастни, что «князь Олег тогда еще млад был», а самое дело приписывают не ему, а «рязанцам»²¹. Видно, что рязанские бояре использовали удобный момент для энергичного выступления, и сумели удержать Лопастню, может быть, в связи с затруднениями, какие были созданы для московской власти внутренней смутой, которая проявилась в убийстве тысяцкого Алексея Петровича и в отъезде из Москвы на Рязань «больших бояр московских». Захват Лопастни был с рязанской стороны только первым шагом к требованию исправления рязанско-московской границы. В 1358 году прибыл на Рязань царевич Махмет-Хожа и посылал отсюда к в. к. Ивану Ивановичу требование о «разъезде земли Рязанской». Но на этот раз рязанские требования не получили удовлетворения. Митр. Алексей, руководитель московской политики, успел приобрести значительное влияние в Орде, а «замятня» ордынская, связанная с убиением хана Джанибека и переходом власти к Бердибеку, сгубила царевича Махмет-Хожу: в. к. Иван не пустил его в Москву, он отозван в Орду и убит там «повелением царевым». Только в 80-х годах, уже при митр. Киприане, добились рязанцы нового разграничения своей земли с московскими владениями²².

На ряд лет между Москвой и Рязанью нависла неразрешимая «катора». Эта напряженность московско-рязанских отношений создавала крайне двойственное положение Рязан-

ского княжества между Москвой и татарами, готовя и предопределяя позднейшую политику в. к. Олега. Рязань и ранее искала в Орде опоры против московского засилья. Татарская помощь была на стороне рязанского князя Константина Романовича в битве, которая кончилась для этого князя пленом и гибелью от московской руки; в ордынских связях ищут рязанцы опоры для восстановления своих владений по Оке. Но татарская сила ненадежна; быстро нараставшее разложение ордынской власти, ее частые «замятни» исключали возможность определенных и устойчивых отношений ее к делам русского улуса. Отдельные малые орды чинили самовольные набеги, и ханская власть была без сил перед татарской анархией. В 1365 году Рязанская земля испытала набег ордынского князя Тагая; татары сожгли Переяславль, но князья Олег и Владимир с козельским князем Титом, Олеговым свояком, нагнали и разбили его у Шишевского леса на р. Войне²³. Тягость татарской опасности тормозила разрыв зависимости Рязани от великорусского великого княжения и подрывала значение ордынского покровительства, слишком неустойчивого и внутренне обессиленного. При всей напряженности московско-рязанских отношений сохраняется связь Рязани с великим княжением, и мы видим рязанскую рать князя Олега Рязанского под воеводством пронского князя Владимира в борьбе против Ольгерда при его нападении на Москву в 1370 году²⁴.

Однако 50—70-е годы XIV века были временем, когда ве-

ликокняжеское положение московских князей пережило тяжелый кризис под давлением борьбы с поднявшейся новой силой великого княжения нижегородского и с Новгородом Великим, с порывами Твери к независимости и преобладанию в Великороссии, с судорожными движениями татарской силы, с наступлением к востоку Литовского великого княжества. Исход этой многосложной борьбы был долгое время неясен для современников, а Рязанское княжество, не имея твердой опоры в великорусском центре, должно само себя оборонять и само устанавливать свои отношения к татарскому и литовскому соседу²⁵. Эта тяга к обособленному политическому самоопределению Рязанского княжества осложнена и обострена порубежными спорами с Москвой, потребностью Рязани укрепить свою приокскую базу «нерушимыми и непретворимыми пределами и рубежами»²⁶. Двойственное положение Рязанского княжества между великорусским великим княжением всея Руси и его южными и западными врагами определило к 70-м годам XIV века внутреннее разногласие рязанских тенденций. Младшее – пронское – княжение становится центром тяготения к Москве и ее великокняжеской силе, тогда как великое рязанское княжение ищет выхода из-под московской власти и пытается самостоятельно определять свои соседские отношения на три фронта.

Нам ближе неизвестны мотивы разрыва между Рязанью и Москвой в 1371 году²⁷; суть вопроса в отношении этого раз-

рыва к договору, какой в эту пору заключен между великими князьями Ольгердом и Дмитрием. А в договоре этом читаем упоминание о включении в мирный трактат с Ольгердом тех князей, *«кто будут со князем с великим з Дмитрием Ивановичем и с его братом с князем с Владимиром Анѣдреевичем в любви и в докончанъи, князь великий Олег, князь великий Роман, князь великий Володимер Проньский и иные князи, кто будут в нашем имени»*28. Текст показывает, что предстояло особое «докончанье» с князьями рязанским и пронским, причем дает намек на то, что вопрос, быть ли им «в имени» в. к. Дмитрия, оставался еще открытым. В возражениях Олега против его зачисления в «иные князья», кто будет «в имени» великого князя Дмитрия с отказом от самостоятельных внешних сношений, всего естественнее видеть мотив последовавшего разрыва между Москвой и Рязанью. Как бы то ни было, в декабре 1371 года великокняжеская рать идет на Рязань, рязанцы разбиты близ Переяславля на Скорнищеве, князь «Олег едва утече в мале дружине», а стол рязанского княжения занял пронский князь Владимир Ярославич. Однако не надолго; Олег после ухода московской рати «изгоном» согнал Владимира и вернул себе великое княжение на Рязани29.

К сожалению, наши источники молчат о том, как определились московско-рязанские отношения после этих событий. Впрочем, самое это умолчание московских летописных сводов следует, быть может, признать чертой показательной:

трудно допустить, чтобы в них не нашло упоминания докончание в. к. Дмитрия с рязанским Олегом «на всей воле» великого князя, если бы таковое состоялось. Олег силой, быть может, с татарской помощью³⁰ вернул себе великое княжение, согнав с Рязани московского ставленника. И он не только удержался на великом княжении, но фактически увеличил свою независимость от великокняжеской власти. В ближайшие годы не слышно о его участии в борьбе Москвы с Литвой и Тверью, и этот его нейтралитет подчеркнут той ролью третейского судьи в московско-тверских разногласиях, которая ему предназначена в договоре 1375 года в. к. Дмитрия с тверским великим князем Михаилом Александровичем³¹. Собственные интересы Рязанской земли, как их, по видимому, понимал в. к. Олег, побуждали его держать себя уклончиво и осторожно. Правда, разлад с пронским княжением вскоре потерял тревожный характер. Князь Владимир Ярославич умер зимой 1372/73 года³², а сына его Ивана встречаем деятельным князем в раздоре с великим князем рязанским только по смерти князя Олега. Но 70-е годы – время крайнего напряжения русско-татарских отношений, и Рязанская Украина должна была их провести в состояние³³ непрерывной тревоги. В 1373 году Рязанская земля испытала разорительный набег Мамаевых татар³⁴. А в. к. Дмитрий с князем Владимиром Андреевичем стояли, «собрался со всею силою своею», на берегу Оки, «все лето», и цель их была достигнута, раз удалось не допустить татар до перепра-

вы за Оку»³⁵.

Рязанская земля испытала горькую участь украины, лежащей впереди основной линии великорусской обороны – течения Оки. Великорусские силы, объединявшиеся вокруг Москвы, упорно и все более успешно защищали от татарских нападений Нижний Новгород, Нижегородский край и линию Оки. Так и осенью 1377/78 года царевич Арапша после нападения на Нижний Новгород и разорения Засурья беспрепятственно грабит «изгоном» Рязанскую землю. Много терпел и Нижний, но и значительны были усилия на его оборону; а для положения Рязанской земли особенно характерны деяния 1378 и 1379 годов. На этот раз неожиданным изгоном татары захватили Нижний врасплох и сожгли его. В. к. Дмитрий встретил новую татарскую рать воеводы Бегича за Окой, в Рязанской земле, и разбил ее на берегах реки Вожи. Но на Рязанскую землю не замедлила обрушиться татарская месть. Перед новым «изгоном» сильной татарской рати в. к. Олегу пришлось, по словам летописца-москвича, «перепрыгнуть на сю страну Оки», покинув города свои на произвол врага. Татары сожгли Переяславль и ряд иных городов и «Рязанскую землю пусту сотвориша»³⁶.

Упомянутые события 70-х годов XIV века подготовили пресловутое поведение Олега Рязанского в эпоху Куликовской битвы. Долгое время Рязанская и Нижегородская украины Великороссии спасали своими неисходными бедами ее центральные области от татарской напасти. Но к кон-

цу 70-х годов XV века это их значение как внешнего оплота Великороссии оказывается изжитым, и сильные враги – Москва и Орда – стоят через них лицом к лицу. Бой на Воже резко указал татарам, где подлинный центр великорусской силы, окрепшей для опытов единой национальной обороны по всей линии западных и южных пределов Великороссии. Готовилось осуществление грозного союза Орды и Литвы, намеченного еще Ольгердом. Рязанскому князю предстояло определить свое положение в назревавшем решительном конфликте восточноевропейских сил. Линия его поведения определилась еще в отношении к западной борьбе в. к. Дмитрия в направлении уклончивого нейтралитета. Москва дерзнула на борьбу с Ордой, а наиболее тяжкая расплата в случае неудачи или неполной даже удачи падет на Рязанскую землю: так, по-видимому, можно определить тревожные рязанские размышления этой поры; но едва ли меньше опасения должна была вызывать на Рязани мысль о решительном успехе Москвы (если только он считался сколько-нибудь вероятным): ведь современникам было уже ясно, особенно после московско-тверского договора 1375 года, чем подобный успех грозил независимости Рязанского княжества. Как бы то ни было, в. к. Олег занял в решительную минуту положение, которое навлекло на него резкие нарекания за измену русскому долгу и двуличную политическую игру: сносился с Мамаем и с Ягайлом, отстраняя от себя вражду противников в. к. Дмитрия, а в то же время предупреждал Дмитрия об

их движении; уклонился от участия ратной силой в великокняжеском походе против татар и не сумел избежать столкновения между рязанцами и московскими войсками при их возвращении с Куликова поля³⁷. Победа в. к. Дмитрия поставила Олега Рязанского в беспомощное положение перед великим князем всея Руси, Олег потерял опору в ордынской власти и в сближении с Литвой. В. к. Дмитрий использовал благоприятный момент, чтобы покончить с международной самостоятельностью Рязани и вернуть ее к зависимости от своей великокняжеской власти. Однако великокняжескому войску, собранному для похода на Рязань, не пришлось выступить: в Москву прибыло рязанское посольство с известием, что князь Олег покинул свою землю и бежал с княгиней, детьми и со всем своим двором. В. к. Дмитрий принял челобитье рязанцев, заключил с ними «ряд», отменил поход и послал на Рязанскую землю своих наместников³⁸. Гибель Мамай и водворение в Золотой Орде нового владыки Тохтамыша круто изменили все положение дел. Русские князья с в. к. Дмитрием во главе спешили признать нового хана, приняли с честью его посла, а к хану отправили своих послов с дарами и поминками³⁹. Опаска перед новой грозной силой сплотила «всех князей русских» под старейшинством в. к. Дмитрия⁴⁰. К этому моменту надо отнести возвращение князю Олегу Рязанского великого княжения. Однако, насколько можем судить по сохранившимся неполным и недостаточным данным, между великими князьями Дмит-

рием и Олегом не состоялось формального «уряженья и докончанья», по крайней мере до осени 1381 года⁴¹, а вернее, до конца 1385 года. Новая татарская гроза поднялась на Русь осенью 1382 года⁴². Князь Олег встретил хана Тохтамыша, когда он не вступал еще в русские пределы, с челобитьем и *«обведе царя около всей своей отчины Рязаньския земли, хотяше бо, — замечает московский книжник, — добра не нам, но своему княжению помогаше»*⁴³, и дал татарам проводников на броды через Оку. По рассказу московских книжников, Олег сулил хану легкий захват московского города и самого в. к. Дмитрия. Но взятие Москвы и разорение нескольких городов и волостей не избавили Тохтамыша от вырождения его грозного похода в набег «изгоном» и от поспешного отступления, как только успели собраться войска великого князя. Этим, быть может, объясняется гнев хана на рязанского князя, жестокое разорение татарами Рязанской земли и бегство перед ними князя Олега⁴⁴. И кн. Олег снова между двух огней. Он вернулся на Рязань, когда ушли татары, но вынужден снова бежать перед московской ратью, которая разорила его землю «до останка», так что «пуще ему бысть и татарския рати». И снова наши источники не упоминают, когда и как вернулся Олег на свое княжение после этого бегства, но связать это возвращение естественно с примирением между Тохтамышем и в. к. Дмитрием на началах обновленной зависимости, которое состоялось той же осенью 1382 года⁴⁵. Однако мира и «докончанья» между великими

князьями все еще не установилось. Весной 1385 года затяжное напряжение московско-рязанских отношений разрешилось кровавым столкновением. Олег «изгоном» взял Коломну, увел в плен великокняжеского наместника, а затем разбил в бою «на Рязани» московскую рать князя Владимира Андреевича⁴⁶.

Эти ратные успехи не только не дали Олегу даже частичного перевеса над Москвой, но не повели и к новой, упорной борьбе между великими князьями. Над Рязанью, как показал горький опыт прежних лет, тяготела также ордынская опасность, что и над всей Великороссией, а внутренние дела Литовского великого княжества обесценивали то крестоцеловальное «докончанье», какое Олег заключил с Ягайлом, вероятно, во время своего устранения с Рязанского княжения в 1380–1381 годах⁴⁷. И в. к. Дмитрий переживал в эту пору слишком сложные затруднения, чтобы поднять решительную борьбу с Рязанью. Конфликт, тянувшийся столь долгое время, разрешился наконец при посредничестве троицкого игумена Сергия заключением «вечного мира». До нас не дошла грамота, его закрепившая, а летописи говорят о нем лишь в краткой записи⁴⁸. Выше уже было высказано предположение, что в основу этого «вечного мира» должны были лечь условия, сформулированные в договорной грамоте 1381 года. По этой грамоте, в. к. Олег должен был признать себя «братом младшим» в. к. Дмитрию, равным серпуховскому князю Владимиру Андреевичу; сложить целование к

Литве и подчинить свои отношения к ней великокняжеской политике, как «в любви», так и «не в любви» (т. е. в случае разрыва с литовцами «быти на них с единого»): и с татарами держать «мир или данье с единого с князем с великим с Дмитрием», а будет «немир» – быть «с единого на татар и битися с ними»; то же и в отношении к русским князьям: кто в. к. Дмитрию друг, тот и в. к. Олегу друг, а кто недруг, то и в.к. Олегу недруг», «итти нань с единого». Зато и московские князья обязывались добра Олегу «хотети во всем в Орде и на Руси от чистосердья» и «блюсти а не обидети» его вотчину. В то же время договор устанавливал новое разграничение между владениями рязанского князя, с одной стороны, великим княжеством и московской вотчиной, с другой стороны⁴⁹.

«Вечный мир» 1385 года закреплен двумя годами позднее: женитьбой Ольговича Федора на московской княжне Софье Дмитриевне⁵⁰. Отношения, установленные «докончаньем» «вечного мира», вошли в жизнь и окрепли, все углубляя тесные связи Рязанской уkraine с великим княжеством всея Руси. Политика в. к. Олега потерпела полное и решительное крушение. Рязань не в силах обойтись без опоры в великорусском центре, и ее порывы к независимости от великорусской великокняжеской власти слабеют и замирают. В конце 80-х и в 90-х годах XIV века в. к. Олег, обеспечив рязанский тыл по линии рек Оки и Цны прочным миром с Москвой и разграничением спорных владений, поглощен

обороной своей земли от татарских набегов и от литовского наступления в западные области Чернигово-Северской земли. Но в этой борьбе на южных, восточных и западных пределах своей рязанской вотчины он действует со значительной самостоятельностью, иной раз даже вразрез с направлением великокняжеской политики московского князя.

Ослабление московской энергии в борьбе с татарами после нашествия Тохтамыша как бы возродило на время самостоятельное значение Рязанской земли в обороне Великой России от вражеских сил татарской степи. В. к. Олег укрепляет и охраняет русскую колонизацию в бассейне р. Дона и в мещерских местах, за Цною. Еще в грамоте 1381 года упомянуты «татарские места», «что в. к. Олег отоимал от татар», и потребовано от него обязательство, чтобы он не «вступался» в Мещеру; договор великих князей Василия Дмитриевича и Федора Ольговича (1402 года) гарантирует им взаимное владение теми «татарскими и мордовскими местами», какие захвачены были их отцами, а с другой стороны, свидетельствует, что в. к. Олег и сам, и через сыновей или бояр скупал земли в Мещере, вопреки прежним московским требованиям и «докончанью». Возможно, что эти разнородные захваты, а не только простые разбойничьи цели вызывали татарские набеги на рязанские области⁵¹. В борьбе с татарской напастью в. к. Олег в 90-х годах переходит от пограничной обороны «караулами» к более энергичным действиям. Так, в 1391 году он *«побыл татар Тохтамышевы орды, иже приходиша*

изгоном на Рязанская волости», а в 1400 году нанес татарской силе значительный ратный удар в пределах Червленого Яра⁵². Эта деятельность рязанского князя сплачивала вокруг него боевые украинные русские силы: кроме пронских князей в его походах участвуют князья муромский, карачевский, козельский, елецкий, притом вне всякого отношения к этим ратным делам великорусской великокняжеской власти⁵³, а как младшие князья-союзники в.к. рязанского⁵⁴.

С той же боевой силой пытается в. к. Олег организовать противодействие литовскому наступлению на русские области. И тут он действует вполне самостоятельно, не только вне зависимости от политики великого князя всея Руси, но и вразрез с уступчивостью в. к. Василия Дмитриевича по отношению к Витовту и его подчинением влиянию тестя. Олег пытался своею силой поддержать оборону Смоленска от литовского захвата. Смоленский князь Юрий Святославич, женатый на дочери Олега, один из семьи смоленских князей избежал их пленения Витовтом в 1395 году, потому что был в ту пору на Рязани у тестя⁵⁵. Олег отозвался на *«первое взятие граду Смоленску от великого князя литовского»* походом на Литву с зятем Юрием и князьями пронскими, козельским и муромским; но встречный набег Витовта на рязанские волости остановил его поход; пришлось вернуться для отражения литовских «загонщиков»⁵⁶. На следующую осень, в сентябре 1396 года, в. к. Олег возобновил борьбу нападением на Любутск, но на этот раз в дело вмешался в. к.

Василий Дмитриевич: прислал к Олегу послов и «отводе его от Любутска». Противодействие Москвы, попавшей в те годы под сильное влияние Витовта, связывало рязанского князя и дорого ему обошлось. Витовт двинулся на Рязань; Олег вынужден был бежать, и земля рязанская подверглась сильному разорению⁵⁷. Но как только в Смоленске начались волнения после разгрома сил Витовта на Ворскле, в. к. Олег с зятем и союзниками пошел ратью к Смоленску, добился возвращения кн. Юрия на смоленское княжение, повоевал литовские волости и вернулся «со многим полоном». Наступление на Смоленск тесно связалось для Витовта с борьбой против Рязани. На неудачную попытку литовского великого князя вернуть себе Смоленск – осенью 1401 года – в. к. Олег ответил наступлением на Брянск, против которого он послал сына Родослава. Но Родослав Ольгович был разбит у Любутска ополчением литовских князей и сам попал в плен⁵⁸.

Вся энергия, затраченная Олегом на борьбу с Литвой, пропала даром. Без поддержки всей великорусской силы не Рязани было остановить успехи Витовта. Освобождение Смоленска от литовской власти не дало прочного результата, так как в. к. Василий уклонился от поддержки смоленского князя. А Рязань надорвалась в непосильном напряжении, после кончины Олега (в 1402 году) постепенно слабеет, подавляемая московским засильем⁵⁹.

III

Старший стол рязанского княжения занял сын Олега Федор⁶⁰, связанный с московским великокняжеским домом двойным свойством⁶¹. По смерти отца он ездил в Орду к хану Шадибеку и получил от хана ярлык на свою «отчину и деди́ну, великое княжение рязанское»⁶², а затем возобновил отцовский договор с великим князем всея Руси⁶³. Признавая в. к. Василия Дмитриевича «со́бе братом старейшим»⁶⁴, Федор Ольгович обязался быть с ним везде заодно «по думе, как будет годно, без хитрости», не «пристать» к татарам «ни-которою хитростью», а извещать великому князю, что услышит «от Орды», и «учинить по думе» с великим князем, если Орда станет ему враждебной⁶⁵. Отношения рязанского великого князя с Ордой стоят под контролем великого князя всея Руси: он имеет право посылать «киличеев» в Орду и принимать татарских послов, «то ему не в измену», но под условием, что будет сообщать в Москву о каждом таком сношении с ханом⁶⁶. И с в. к. Витовтом⁶⁷ рязанский князь должен вступать в договор не иначе как по предварительному соглашению с в. к. Василием.

Мы слишком мало знаем о внутренних отношениях Рязанского княжества, чтобы получить о них хоть сколько-нибудь ясное представление. Знаем в Рязанской земле только один стольный город, кроме старшего Переяславля, Пронск.

Пронский князь Владимир Ярославич, который захватил было в 1372 году стол рязанского великого княжения, умер зимой 1372/73 года⁶⁸, оставив на пронском княжении единственного сына⁶⁹ Ивана; летописные тексты упоминают о «пронских князьях» во множественном числе, но не знаем, каких князей они тут имеют в виду. Останавливает внимание одна особенность грамот этого времени: договорные грамоты 1371 и 1402 годов⁷⁰ титулуют пронских князей Владимира Ярославича и Ивана Владимировича «великими». Грамоты эти редактированы в Москве, и такая титулатура пронских князей должна иметь какое-то особое значение, ближе, впрочем, не поясняемое никакими известными нам данными. Возможно, конечно, связать ее с прорывавшимися по временам притязаниями пронских князей на старший стол рязанского княжения и с поддержкой, какую пронские князья находили иногда в Москве, как, например, в конце того же 1371 года. Договор 1402 года выдвигает особое положение пронского князя. По этому договору в. к. Василий и все московские князья обязались «в землю в рязаньскую и во князи в рязаньские⁷¹ не вступатися». Но относительно пронского князя в договор вошло особое обязательство в. к. Федора Ольговича: «А со князем с великим с Иваном с Володимировичем взяти [ти]⁷² любовь по давным грамотам»⁷³, а далее договор устанавливает порядок третейского суда по столкновениям между великими князьями рязанским и пронским с тем, что за в. к. Василием Дмитриевичем

чем признается право принудить приговоренного к отдаче «обидного», если он добром не отдаст: и то великому князю «не в измену»⁷⁴. Существенно отметить, что такой же точно порядок разрешения поземельных или иных столкновений и споров устанавливается договором между в. к. рязанским и князьями новосильским и торусским⁷⁵, которые в данном договорном «докончанье» «один человек» с в. к. Василием.

Однако в дальнейшем пронский князь пошел иным путем и нашел опору против местной великокняжеской власти не у московского князя, а в Орде у хана. Краткие сообщения летописных сводов о происшествиях 1408 года не дают указаний на ближайший повод столкновения между князьями Федором Ольговичем и Иваном Владимировичем. Пронский князь ездил в Орду и вернулся осенью 1407 года от хана Булат-Салтана «с пожалованием и с честью», а главное, с ханским послом. По-видимому, дело шло о каких-то разногласиях его с в. к. рязанским, которые им перенесены на ханский суд⁷⁶. Засев в своем Пронске, кн. Иван Владимирович напал с татарской помощью на Рязань. В. к. Федору пришлось бежать за Оку, во владения шурина своего, в. к. Василия, и тот дал ему помощь, хотя в боярской среде его советников это дело вызвало разногласия ввиду вмешательства татарской власти⁷⁷. Переговоры, при участии ханского посла, не привели к соглашению, и дело дошло до битвы. Войско великих князей было разбито ратью пронского князя, несмотря на нейтралитет татарского отряда⁷⁸. Но на том

дело и кончилось. Князь Иван Владимирович, который было занял Рязань, помирился с в. к. Федором при посредничестве в. к. Василия⁷⁹, а вероятно, и ханского посла.

Было бы существенно лучше знать это пронское дело, чем дают возможность наши источники. Оно было прелюдией к нашествию на Русь Едигея и последней попыткой Рязанской уkraine – на этот раз в лице пронского князя – самостоятельно определять свое отношение к Орде и найти в ней опору для своей самостоятельности по отношению к великорусской великокняжеской власти. В руке московского князя – он же и великий князь всея Руси – не было еще достаточной силы для обороны южных и западных окраин Великороссии. Рязанская земля терпит по-прежнему татарские набеги⁸⁰, а последние годы в. к. Олега Ивановича показали, как мало надежды на поддержку великокняжеской власти в западных, литовских делах⁸¹. Эта слабость великорусской великокняжеской власти достигла крайней степени в тяжкую годину внутренней смуты при Василии Темном. Рязанская земля, бессильная в устройении собственных судеб, потянулась было к Литовскому великому княжеству, но договоры великих князей рязанского Ивана Федоровича⁸² и пронского Ивана Владимировича с в. к. Витовтом, по которым эти князья «дались ему в службу»⁸³, были лишь отражением того перевеса, какой приобрело в эту пору Великое княжество Литовское над Москвой и относятся к последним годам жизни и княжения Витовта, а с его смертью потеряли всякое значение

перед новым укладом восточноевропейских отношений.

Рязанское великое княжество все теснее примыкает к московскому центру, все больше теряет самостоятельность. По смерти Витовта в. к. Иван Федорович снова под рукою великого князя всея Руси и посылает свою рать ему в помощь на галицкого Юрия Дмитриевича⁸⁴. Но, по существу, его отношение к московской смуте весьма пассивно. Когда Юрий вторично захватил Москву и великое княжение, Иван Федорович вступает в договор с ним как с великим князем⁸⁵, но договор этот упразднен скорой смертью Юрия; не слышать о каком-либо участии Ивана Федоровича в дальнейшей борьбе, а укрепление великокняжеского стола за в. к. Василием Васильевичем вызывает новый договор его с в. к. рязанским, близкий, по существу отношений, к их прежним «докончаниям» и к договору Ивана Федоровича с Юрием Дмитриевичем⁸⁶.

Подавленное трудностью своего внешнего положения, окруженное опасными врагами, Рязанское великое княжество связано, при недостаточной собственной силе, великорусской великокняжеской властью, которая все больше забирает в свои руки руководство всеми внешними отношениями Великороссии, в том числе и ее Рязанской украины. Близкий к рязанским пределам напор литовской силы не в состоянии прочно нарушить неизбежную связь Рязанской земли с великорусским центром. И эти отношения тем характернее, что в самом-то великорусском центре нет еще доста-

точной силы для крепкой обороны Рязанской земли. Носители великорусской великокняжеской власти требуют полного подчинения рязанско-литовских отношений своей политике и своему контролю. А сами вынуждены отделять эти отношения от своих, московско-литовских, ограничиваясь ролью посредников между Рязанью и Литвой, которые иной раз оказываются по-прежнему лицом к лицу, помимо Москвы.

Так, в. к. Василий Васильевич требует (в договоре 1447 года), чтобы рязанский великий князь вступал с в. к. литовским в договорные отношения «по думе» с ним, князем великим, непременно оговаривал в окончательной грамоте, что он, рязанский великий князь, с в. к. Василием «один человек», и обещает за то оборонять Рязанскую землю от литовской силы⁸⁷.

Однако дело еще не дошло до полного единства в распоряжении воинской силой; «одиначество» князей обусловлено соблюдением братского относительного равенства: в. к. рязанский лично выступает в поход лишь в том случае, когда в. к. всея Руси сам «всядет на конь», а если пошлет воевод, то в поход идут рязанские воеводы.

Так и в случае нападения Литвы на Рязанскую землю: в. к. Василий обещает «боронити» рязанского против всех, от кого он сам «не возможет» оборониться, за отказ в. к. рязанского от всех сепаратных крестоцелований⁸⁸, но притом лишь условно: обязуется сам выступить на оборону Рязани

от Литвы, когда на рязанского князя пойдет лично в. к. литовский; а если он только пошлет против Рязани своих литовских воевод, то и в. к. Василий пошлет в поход своих воевод. Эта условность «одиначества» в ратном деле и в распоряжении ратной силой получает особое значение при сопоставлении с большой относительностью, в московском понимании, договорного установления, что в. к. Рязанский перед в. к. литовским «один человек» с в. к. всея Руси. В 1449 году в. к. Василий Васильевич заключил договор с литовским великим князем и королем польским Казимиром Ягеллончиком⁸⁹; в договоре этом в. к. Василий признает за Казимиром право «показать» рязанского князя и обещает не вступаться в дело, если в. к. рязанский «сгубит» Казимиру и «не исправится» к нему по указанию в. к. Василия, которого король Казимир должен предварительно уведомить о происшедших разногласиях и столкновениях. Мало того, в. к. Василий признал за рязанским князем право, если он «восхощет», служить королю Казимиру, обещая за то «на него не гневаться, не лстити ему».

Так замиравшая рязанская самостоятельность поддерживалась на исходе своего сколько-нибудь реального значения не столько собственной силой Рязанского княжества, сколько слабостью великорусского центра перед окрепшей мощью литовского великого княжения. И великорусская великокняжеская власть поневоле не спешит с ликвидацией этой самостоятельности, довольствуясь покорностью слабого со-

седа, «брата молодшего», лишь бы он не был орудием враждебных сил и не создавал затруднений для собственных задач московской великокняжеской политики.

Наши источники – летописные своды – по-прежнему молчат о внутренних делах Рязанской земли. А между тем и тут, как в тверском великом княжении, произошла в последние времена ослабевшей независимости значительная концентрация княжого владения. Но явление это нам почти неизвестно даже с элементарно фактической стороны. Уже в договоре между Иваном Федоровичем и Юрием Дмитриевичем находим такое определение владений великого князя рязанского, которое расходится с самостоятельным значением «великого князя» пронского в рязанских договорах с великими князьями Василием Дмитриевичем и Витовтом. Рязанский князь требует от Юрия Дмитриевича гарантии «отчины своей княженья Рязанского, Переяславля и Проньска, и всех волостей переяславских и пронских, что потягло к Переяславлю и к Проньску по реку по Оку»⁹⁰. Для ясного понимания этих отношений, как они отразились в упомянутом договоре, надо бы иметь совсем иной запас фактических данных, чем то скудное, что находим в наших летописных сводах: в том же договоре в. к. Иван Федорович повторяет требование прежних dokonчальных грамот, чтобы московские князья не «вступались» в «рязанских князей», но относительно пронского князя сообщает особо, что он с ним и с его братьями «любовь взял». Определение отчины рязан-

ского великого князя, как «Переяславля и Проньска и всех волостей переяславских и проньских», дает повод признать, что эта «любовь» с пронскими князьями состояла в том, что он их привел «в свою волю». Однако тут же все столкновения между рязанским князем и пронскими князьями отдаются на «управу» московского великого князя, в чем нельзя не видеть значительной гарантии независимости Пронска от местной великокняжеской власти⁹¹. А летописные своды не дают никаких сведений о последних десятилетиях Пронского княжества. Они не отметили даже года смерти пронского «великого князя» Ивана Владимировича, а о его сыновьях – князе «пронском и его братьи» – договорные грамоты вообще не упоминают. Только родословцы XVI века дают кое-какие сведения о последних пронских князьях и судьбе их потомства⁹². По таким данным нельзя определить, когда и при каких обстоятельствах пронские князья утратили самостоятельное княжение; но сын и преемник рязанского великого князя Ивана Федоровича Василий уже владеет Пронском и благословляет им, перед кончиной, вместе с великим княжением рязанским своего старшего сына Ивана Васильевича⁹³.

Это внутреннее объединение Рязанской земли под единой княжеской властью свершилось в такую пору, когда великое княжение рязанское находилось в полной фактической зависимости от московской великокняжеской власти и его внутренние отношения стояли под ее крепким контролем и ру-

ководящим надзором. Прочно владея господством над Рязанской землей⁹⁴, великорусская великокняжеская власть не препятствовала, а, очевидно, содействовала концентрации Рязанской украины, вероятно, в связи со стремлением взять в свои руки организацию обороны южных окраин.

Рязанский великий князь Иван Федорович оставил на стольном княжении восьмилетнего сына Василия, а судьбу его тем обеспечил, что «дал его на руки» в. к. Василию Васильевичу⁹⁵. В. к. Иван Васильевич выдал в 1464 году сестру свою Анну за молодого рязанского князя и отпустил его на Рязань – «на его отчину на великое княжение». Василий Иванович княжил 19 лет «великим князем», но московским подручником. Перед кончиной (ум. в январе 1483 года) он благословил старшего сына Ивана Переяславлем, Ростиславлем, Пронском и всем великим княжением Рязанским, а младшего – Федора – Перевитском и Старой Рязанью. Братья Васильевичи заключили договор, в общем, по образцу московских договоров великих князей с удельной братьей⁹⁶, но со значительным усилением великокняжеской власти над младшим братом, князем на Старой Рязани.

Договор этот относится к последним годам жизни и княжения в. к. Ивана Васильевича и, подводя итог отношениям, сложившимся между князьями-братьями, имел, по-видимому, главной целью обеспечить за ними наследственное обладание их владениями, а прежде всего переход, в случае выморочности, великого княжения к брату Федору, а его вла-

дений к в. к. Ивану. Но было уже поздно. Никакие политические и владельческие соглашения рязанских князей не могли создать препону для московской политики⁹⁷, последовательно завершаемой Иваном III.

Со времени ликвидации смуты, потрясшей Москву при Василии Темном, рязанским князьям ничего не оставалось, как быть «покорными слугами» великих князей всея Руси. Рязанский великий князь Иван Васильевич был связан с московской властью договором, какой заключен в первый же год его княжения⁹⁸. Рязанский князь признал «старшими братьями» обоих великих князей – Ивана III и его сына Ивана Ивановича, обязался быть с ними «за один» и на Литву, и на татар, отступался в пользу Москвы от всех притязаний на ее захваты и приобретения к югу от Оки. И на деле «меньшой» Иван, сохраняя в договоре с братом Федором видимость своего великокняжеского достоинства, словно даже окрепшего, оставался покорным московским подручником. Рязанская рать ходила в московский поход против Литвы⁹⁹, а в мирном договоре с в. к. Иваном III литовский великий князь Александр пишет¹⁰⁰ рязанских князей, в. к. Ивана и его брата Федора, с их владениями «в стороне» в. к. Ивана III, обязуясь все столкновения с ними передавать для «направы» московскому великому князю. Рязанские «сестричи» великого князя Ивана III были вполне в его руках, тем более что жива была и мать их, московская княжна Анна Васильевна (ум. в 1503 году). В 1500 году умер в. к. Иван

Рязанский, оставив на столе великого княжения пятилетнего сына Ивана. А дядя его, кн. Федор, скончавшийся в 1503 году, «дал свою отчину» в. к. Ивану III, который в своей духовной отдает ее сыну Василию¹⁰¹. Фактически рязанское великое княжение во власти московских государей с конца XV века, а история последнего рязанского великого князя, закончившаяся упразднением особого княжения на Рязани, есть история «крамолы» подручного князя против великокняжеской власти, уже овладевшей всем управлением и всей ратной силой на Рязанской Украине Великороссии.

Глава II

Нижегородское великое княжество

Исторические судьбы Рязанского княжества, бурные и тревожные, так сложились под тягостным давлением его положения между татарами, Москвой и Литвой, что внутренний политический строй этого «великого княжения» не смог определиться в сколько-нибудь устойчивых формах: об «удельном» (в точном значении термина) строе Рязанской земли говорить, собственно, и не приходится. Но если по отношению к Рязанскому великому княжеству причиной представления о невыработанности его внутреннего строя может на деле оказаться просто наша неосведомленность о рязанских делах и междукняжеских отношениях, по недостатку данных в сохранившихся источниках, то такое же представление применительно к Нижегородскому великому княжеству имеет более естественное и надежное объяснение в скоротечности его бытия, протекавшего, кроме того, в крайне бурных и напряженных условиях.

Положение историка перед историческими судьбами великорусской восточной окраины – не лучше, чем в изучении рязанской истории: данные источников летописных сводов отрывочны, спутанны, сбивчивы и во многом крайне недостаточны. Темна и трудно выяснима история самого образо-

вания той территориально-политической единицы, центром которой стал в середине XIV века Нижний Новгород. В составе этой территории только Суздаль – старинный город с крупным историческим прошлым. Остальные, по-видимому, «княжеские» города, укрепленные пункты, возникшие ради определенных стратегических целей. Таковы прежде всего те пункты, которыми в летописных текстах обычно определяется, как и Суздалем, вся территория – Городец на Волге и Нижний. Волжский Городец – старше Нижнего. Первое летописное упоминание о нем относится к 1172 году, и построен он, вероятно, либо Всеволодом Юрьевичем, или Андреем Боголюбским, либо еще их отцом Юрием Долгоруким. В XII и начале XIII века Городец – опорный пункт поволжских отношений и действий владимирских великих князей¹⁰². То же значение «устья Оки» вызвало построение тут в XIII веке Нижнего Новгорода.

Когда в. к. Святослав Всеволодович *«сыновци свои посади по городом, якоже бе им отец урядил Ярослав»*, князь Андрей Ярославич получил в свою долю Городец Волжский и Нижний Новгород; на эти города, как на свою отчину, он возвращается из-за моря в 1256 году, после примирения с братом Александром, и получает в обладание Суздаль. Но такое соединение владений в руках князя Андрея не создало «суздальско-нижегородского княжества». Возможно даже, что князь Андрей получил Суздаль не в придачу к Городцу и Нижнему Новгороду, а взамен их: такое предполо-

жение сделало бы более понятной дальнейшую судьбу этих последних и отвечало бы их особому значению для великокняжеской власти. Летописные своды именуют князя Андрея (с 1256 года) суздальским, и в Суздале место его погребения; на Суздале – своей отчине – княжат и сыновья его: Юрий, затем Михаил и Василий¹⁰³. Но Городец и Нижний не вошли в состав их отчины¹⁰⁴. По нашим источникам невозможно определить, когда и при каких обстоятельствах перешли они во владение князя Андрея Александровича. Ближайшее отношение Андрея Александровича к Городцу как «городецкого» князя устанавливается только известием о его погребении: *«И везише положишиа его на Городец в церкви святого Михаила Архангела»*¹⁰⁵. Но князь Андрей не стал «удельным» городецким князем; мы видим его почти непрерывно либо в борьбе за великое княжение, либо великим князем. А сыновей он не оставил, и поэтому вопроса о вотчине его потомства не возникало. Не располагая также никакими данными для какого-либо владения его Нижним Новгородом, кроме великокняжеского. И великокняжеские бояре, утвердив на великом княжении тверского князя Михаила Ярославича, пытаются удержать за ним Нижний Новгород. Надо, по-видимому, признать, что Нижний Новгород (а также и Городцом?) успел овладеть московский князь Юрий Данилович, соперник тверского Михаила в стремлении к великокняжеской власти, или же предположить, что суздальские князья возобновили свои отчин-

ные права на Нижний и действовали на стороне князя Юрия против Михаила Ярославича¹⁰⁶: Михаил Нижним не овладел, при его сыновьях спор Твери с Москвой закончился тем, что великое княжение досталось в 1328 году Ивану Калите, а «Володимер и Поволжье» достались суздальскому князю Александру Васильевичу¹⁰⁷. Этот момент и надо признать моментом образования территории Нижегородского великого княжества, окончательно сложившегося при Александровом брате Константине.

Мы видели, что Александр Васильевич стремился к большему, пытался утвердить за собой обладание Владимиром и его областью, слить их накрепко со своими суздальскими владениями, которые охватили бы всю Восточную Великороссию, суздальско-нижегородское Поволжье. Но по его смерти владимирская великокняжеская территория отошла к в. к. Ивану Калите. Стол суздальского княжения перешел к его брату Константину.

Константин Васильевич и явился организатором Нижегородского великого княжества. Для времени с 1332 по 1340 год наши летописные своды не дают отчетливых сведений о положении дел в суздальском Поволжье. Никоновская летопись ведет счет годам княжения Константина Васильевича только с момента кончины Калиты, и это обстоятельство, как и случайное упоминание той же летописи, что князь Симеон Иванович был в Нижнем во время кончины и погребения отца, наводит наших историков на заключение, что только с

этой поры Константин стал «князем великим суздальским, нижегородским и городецким». Если принять этот вывод из данных, более чем скудных, то Нижегородское великое княжество придется признать окрепшим и формально сложившимся в силу ханского пожалования и соглашения между князьями на «великом съезде» всех князей в Москве в 1341 году¹⁰⁸. Вскоре возродилась и особая Суздальская епископия¹⁰⁹. Возрождение местной политической жизни к середине XIV века в восточной уkraine Великороссии неразрывно связано с ее боевым и колонизационным значением. Во второй половине XII века и в первой четверти XIII шла упорная борьба мордвы с русским наступлением. Борьба эта прервана и подавлена татарским нашествием. Русь подчинилась власти золотоордынских ханов, а мордва и Камская Булгария покорены татарской властью. Но пережитая угроза нашествия, установился новый уклад жизни – и вопросы земельного захвата, торговли, взаимных нападений и столкновений стали с новой силой волновать Поволжье. Пограничное положение Нижнего Новгорода на рубеже русского и иногородческого мира придало ему исключительное стратегическое и административное значение и рано развило его роль как центра поволжской торговли. Великорусский центр, слагавшийся в Москве, еще не окреп в достаточной мере, еще слишком поглощен иными, преимущественно западными делами и сложными отношениями внутри страны и к Золотой Орде, чтобы тратить много сил и внимания на дела восточ-

ной уkraine. В таких условиях слагается, хоть и не надолго, крупное самостоятельное значение Нижнего Новгорода и водворившейся в нем княжеской власти.

В середине XIV века это значение Нижнего Новгорода как опорного пункта великорусского движения на восток, которое было приостановлено в условиях предыдущей эпохи и постепенно возрождается, явственно выступает сквозь отрывочные и скудные известия наших источников о нижегородских делах и отношениях. В 1350 году князь Константин Васильевич заложил в Нижнем Новгороде храм Преображения Господня, т. е. начал отстраивать заново Преображенский собор, построенный в. к. Юрием Всеволодовичем в 20-х годах XIII века. Согласно нижегородскому преданию, Константин перенес в этот храм старинную, вывезенную из Греции, икону св. Спаса¹¹⁰. Этот акт церковного строительства связан с перенесением старшего стола суздальского княжения из Суздаля в Нижний Новгород¹¹¹. Местная традиция сохранила память о князе Константине как деятельном колонизаторе Нижегородского края: *«И повеле русским людем селитися по Оке и по Волге и по Кудьме реком и на мордовских селищах, где кто похощет»*¹¹². Его волость – с Нижним Новгородом, Суздалем, Городцом, Юрьевцом Поволжским, Шуей, Бережцом на устье Клязьмы – стала обороной Великороссии от инородческой силы и организующим этапом в восточном движении великорусской колонизации. В этом значении своем Нижегородское великое княжество, подоб-

но Рязани, явилось своего рода форпостом Великороссии и нуждалось, не менее Твери или Рязани, в поддержке всей великорусской силы. В таком соотношении окраин и центральных областей Великороссии можно видеть реальную основу попыток носителей местной великокняжеской власти добиться великого княжения владимирского и всея Руси. Нераздельность великорусского великого княжения от обладателя Владимиром выступила с новой наглядностью в истории суздальского князя Александра Васильевича, и Константин при первой возможности «сперся о великом княжении» с московским князем. Произошло это тотчас после кончины в. к. Симеона. Выступая соперником московского князя Ивана Ивановича, Константин Васильевич завязал отношения и с Литвой, и с Великим Новгородом. В 1354 году состоялся брак его сына Бориса с дочерью в. к. Ольгерда, а новгородские послы поддерживали в Орде перед ханом его домогательство владимирского великого княжения¹¹³. На этот раз московское влияние одолело: «Не послуша их царь» и дал ярлык на великое княжение князю Ивану. Его противники смирились не сразу, но сил на борьбу у них не было, и пришлось идти на мир. Примирение князя Константина с в. к. Иваном Ивановичем состоялось незадолго до его смерти, и тогда же помирились с великим князем новгородцы¹¹⁴. Летописная запись помянула князя Константина тем, что он «*княжил лет 15, честно и грозно бородил отчину свою от сильных князей и от татар*»¹¹⁵. А после его кон-

чины сын его князь Андрей поехал в Орду, и хан «даде ему стол отца его, княжение Суздальское, и Нижний Новгород, и Городец»¹¹⁶. На съезде с в. к. Иваном Ивановичем в Переяславле князь Андрей признал себя «братом младшим» великому князю и принял с ним мирное «докончанье»¹¹⁷. Мир с Москвой и отказ от соперничества с нею, быть может, как продолжение и утверждение той «любви», какую «взял» его отец, князь Константин Васильевич, с в. к. Иваном Ивановичем, остались характерной чертой княжения Константиновича Андрея¹¹⁸. Но и в Суздальско-Нижегородском великом княжестве и вне его еще бродили силы и настроения, враждебные великокняжескому значению Москвы. Во главе их попытался встать брат Андрея Дмитрий Константинович.

Вероятно, по отцовскому ряду братья в. к. Андрея, занявшего «степень» отца, в удел отчины своей получили: Дмитрий Константинович – Суздаль, а Борис – Городец¹¹⁹. Не имеем никаких сведений о ряде, какой, надо полагать, дал сыновьям Константин Васильевич, ни о договорных соглашениях между братьями Константиновичами. На деле старейшинство в их братской семье не утвердилось за Андреем Константиновичем. Засилье московской власти, нависшее над их отчиной, исказило в корень суздальско-нижегородские отношения. Братья действуют врозь и каждый ведет свою особую политику. Смуты в Золотой Орде сильно осложняли положение великокняжеской власти и создавали новые возможности для смелых происков русских князей,

разрушая всякую устойчивость сложившихся политических отношений. Смерть в. к. Ивана Ивановича (в ноябре 1358 года) и переход его наследия к малолетнему сыну Дмитрию неизбежно усиливали смуту этих отношений. Одновременно ослабели оба их основных устоя – значение ханского «пожалования» и собственная сила носителя великокняжеской власти. Быстрая и кровавая смена ханов Золотой Орды после убийства Бердибека привела к власти хана Кулпу, затем, через полгода, – Науруса, а весной 1360 года – Хидыря. Русским князьям приходилось считаться с таким шатанием власти, утверждавшей за ними их владения. Строй русского улуса, только что утвержденный Наурусом¹²⁰, подвергся сильному потрясению, когда власть перешла к хану Хидырю¹²¹. Этот хан дал ярлык на великое княжение владимирское суздальскому князю Дмитрию Константиновичу; князь Дмитрий сел на стол великого княжения 22 июня 1360 года, был признан и митрополитом Алексеем, и всеми князьями, и Великим Новгородом¹²². А тем временем ордынская замятня все разрасталась и так же уничтожила успехи князя Дмитрия, как их создала. Хан Хидырь был убит родным сыном Темир-Хозей, а на Темира поднялся темник Мамай; казалось, вовсе распадается Золотоордынское царство. Сарайские князья признали ханом Амурата, Хидырева брата, а Мамай провозгласил ханом своего ставленника Авдула. Русские князья признали власть Амурата: на его суд передали князья московский Дмитрий Иванович и суздальский

Дмитрий Константинович свой спор о великом княжении. Ханский ярлык достался московскому Дмитрию, и Дмитрий Суздальский, который было захватил Переяславль¹²³, вынужден бежать после двухлетнего великого княжения в свой отчинный Суздаль. Заняв стол владимирского великого княжения, Дмитрий Московский принял ярлык на него и от Амуратова соперника Авдулы, хана Мамаевой орды. В Сарае, при дворе хана Амурата, приняли эти сношения в. к. Дмитрия Ивановича с Авдулой как измену, и Амурат послал с белозерским князем Иваном Федоровичем и своими послами ярлык на великое княжение суздальскому Дмитрию. Дмитрий Константинович вторично занял было Владимир, но не прошло и двух недель, как московские войска согнали его со Владимира, подступили и к Суздалю и принудили к миру¹²⁴. Победа Москвы была полной; подавлены не только покушения суздальского князя на стол великого княжения, подавлено и враждебное Москве брожение среди второстепенного княжья: в. к. Дмитрий Иванович «взял волю свою» не только над суздальским Дмитрием, но и над Константином Ростовским, а князей галицкого и стародубского согнал с их княжений.

Условия мира между князьями Дмитриями, московским и суздальским, не сохранены нашими источниками, да и все их изложение, относящееся к событиям 1363–1365 годов, полно недомолвок, а местами и спутано в компилировании текста летописных сводов по разным источникам¹²⁵.

Пострижение, а вскоре и кончина в. к. нижегородского Андрея Константиновича в 1365 году дали толчок к новой вспышке местной смуты. Возникло соперничество двух Константиновичей – Дмитрия и Бориса – из-за нижегородского княжения. И это соперничество, как прежде борьба за великое княжение двух Дмитриев, московского и суздальского, питалось в значительной мере татарской разрухой. Наряду с борьбой из-за обладания ханской властью в Золотой Орде начался ее частичный распад; отдельные ордынские князья «о собе пребываху», по выражению летописца. Так, Булат-Темир захватил Великие Булгары и «отнял весь Волжский путь», а князь Тагай властвовал в Мордовской земле; взбаламученная внутренней анархией татарская сила надвигалась на русские пределы, и всего более терпели от ее судорожных движений рязанские и нижегородские волости. Центральная ханская власть, ослабевшая и растерянная в руках случайных и недолговечных ее обладателей, шла легко на поддержку русской смуты раздачей ярлыков претендентам на русские княжения. Князь Борис Константинович сумел найти поддержку в Орде своему притязанию на Нижний Новгород и был посажен на нижегородском княжении ханским послом. А в Орде при дворе хана Азиза был в ту пору сын князя Дмитрия Константиновича Василий, прозвищем Кирдяпа, выехавший к хану тотчас после кончины князя Андрея. Кирдяпа вывез из Орды отцу ярлык на владимирское великое княжение; возможно, что тут перед нами

осуществление одного плана: Борису – Нижний, Дмитрию – великое княжение всея Руси. Но Дмитрий Константинович, видно, убедился в безнадежности всей этой политической игры. Он стремится утвердить за собой великое княжение нижегородское, сохраняя в своих руках и Суздаль, а против брата ищет опоры в великокняжеской власти и силе Дмитрия Московского. Попытка великокняжеского посредничества между Константиновичами не удалась. Тогда руководитель московской политики митрополит Алексей направил против князя Бориса, отвергшего вмешательство великого князя в свои счеты с братом Дмитрием, всю силу церковной и светской власти. Нижний Новгород и Городец изъяты из-под управления суздальского епископа Алексея и подчинены непосредственно митрополиту; в Нижний послом митрополита и великого князя явился игумен Сергей с зовом князю Борису на великокняжеский суд в Москву. Новый отказ Бориса навлек церковное запрещение на Нижний: игумен Сергей *то митрополичьему слову Алексееву и великого князя Дмитрея Ивановича»* — закрыл все церкви в Нижнем Новгороде. А в то же время на Нижний двинулись великокняжеские войска вместе с суздальской ратью Дмитрия Константиновича. Князю Борису оставалось только смириться. По dokonчанию с братом он вернулся на свой Городецкий удел, а Дмитрий Константинович сел на княжение в Нижнем Новгороде. Водворенный на этом княжении московской помощью, Дмитрий Константинович восстановил единство

Суздальско-Нижегородского великого княжества. Его стольный город – Нижний Новгород; в Суздале, вероятно, правил сын его Василий Кирдяпа¹²⁶. Городецкий князь Борис Константинович княжит под рукою брата Дмитрия, участвует в его походах. Но это Нижегородское великое княжество не стоит рядом с Великим княжеством Владимирским и всея Руси, а входит в состав политической системы, во главе которой великий князь Дмитрий Иванович. К сожалению, среди наших источников нет его договоров с нижегородским великим князем, но фактические их отношения, насколько они нам известны, дают картину политического единения и подчиненного «одиначества» великого князя нижегородского с великим князем всея Руси.

Такой уклад этих отношений обусловлен самим положением Нижегородского княжества на боевой восточной окраине Великороссии. Ослабление внутренних связей Владимиро-Суздальской Руси и тут, как на западных и южных пределах, вызвало тягу к самостоятельной организации местных сил для противодействия опасному напору враждебных соседей, сохранения и укрепления позиций, добытых прежней колонизацией, и ее дальнейшего развития. Брожение и начавшийся распад инородческого мира, спянного татарской властью, только обострили эту опасность и требовали от великорусского населения все большего напряжения сил для самозащиты, постепенно переходившей в дальнейшее наступление. И первые же опыты такой местной поли-

тической организации неизбежно связались с потребностью восточной украины иметь в тылу надежную поддержку центральных великорусских сил. Нижегородские князья потянулись к великокняжеской власти над всей Великороссией, к воскрешению стародавней, казалось, уже забытой традиции суздальского старейшинства, а потерпев неудачу, ищут помощи и защиты у нового центра великорусской силы, у окрепшей и властной Москвы. В деятельности князя Дмитрия Константиновича наглядно и ярко сказались эти условия политических судеб Нижегородской украины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.